

УДК 821.161.1-2

Образное осмысление волшебной птицы Гамаюн в творчестве русских лириков (о своеобразии картины мира восточных славян)

Зайцева И.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Статья посвящена рассмотрению одного из компонентов мифического пространства, входящего в восточнославянскую национально-языковую картину мира, – сегмента, в котором существуют различные по своему назначению и иным особенностям волшебные птицы (Гамаюн и др.). Исследования новейшего этапа лингвистического знания (прежде всего – этнолингвистические и лингвокультурологические) весьма убедительно доказали, что этот сегмент отличается несомненным своеобразием, в связи с чем опора на него в современной коммуникации представляет безусловный интерес.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужили словесно-художественные произведения русских поэтов XIX – XXI веков, в которых в различных функциях использовано имя собственное Гамаюн. Основным методом является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. На материале лирических произведений русских поэтов XIX – XXI-го веков прослеживается, каким образом осмысливается в словесно-художественном произведении (эстетически осложнённой коммуникации) богатый семантический и образный потенциал прецедентных имён собственных – номинаций волшебных птиц; преимущественное внимание уделено анализу образа птицы Гамаюн.

Заключение. Проведённые наблюдения свидетельствуют, что в современный период имя Гамаюн, как и большинство имён других волшебных птиц восточнославянского мифического пространства, в целом сохраняет накопленный в процессе длительного времени семантико-культурный потенциал, который иногда актуализируется и современными поэтами с помощью ряда художественно-образительных приёмов. Основной же функцией имени Гамаюн в современной лирике видится функция его участия в создании стилизации словесно-художественного произведения.

Ключевые слова: лингвокультурология, мифическое пространство, прецедентное имя, лингвокультурный потенциал, лирическая структура, образное осмысление, тропы.

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 95–101)

Imaginative Comprehension of the Magic Bird Gamayun in the Work of Russian Lyricists (about the Originality of the Picture of the World of the Eastern Slavs)

Zaitseva I.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to one of the components of a mythical area located in East Slavic national language picture of the world – segment in which there are different in their purpose and other features of the magical birds (Gamayun, etc.). Research of the latest stage of linguistic knowledge (primarily ethno-linguistic and linguocultural) is very convincingly proved that this segment is different undoubted originality, and therefore reliance on it in modern communication is of obvious interest.

Material and methods. Material for the execution of the study was verbal-artistic works of Russian poets XIX – XXI-th centuries, where different functions used his own name, Humayun. The main method is the method of contextual analysis used in combination with various methods and techniques of cultural analysis.

Findings and their discussion. On lyric works of Russian poets XIX – XXI-th centuries can be traced, how is interpreted in a verbal work of art (aesthetically complicated communications) rich semantic and metaphorical potential precedent name self – nominations magic birds; special attention is paid to the analysis of the image of a bird **Gamayun**.

Conclusion. The conducted observations indicate that in the modern period the name of **Gamayun**, like most of the names of other magical birds of East Slavic mythic space remains largely accumulated during the long time the semantic and cultural potential, which is sometimes actualized by modern poets with a series of artistic and graphic techniques. The main function of the name **Gamayun** in modern lyric poetry seems a function of his participation in creating the stylization of the verbal-artistic works.

Key words: linguoculturology, mythical space, precedent name, linguocultural potential, lyric structure, imaginative comprehension, trails.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 95–101)

Важнейшей характеристикой архаической картины мира любого народа – прежде всего картины мифологической – является **мифическое** пространство, которое практически в каждой национальной культуре отличается безусловным своеобразием. Это своеобразие предопределяется, с одной стороны, особенностями состава входящих в то или иное пространство мифических персонажей, богов и других формирующих компонентов, с другой – спецификой собственно устройства, организации, которые при очевидном сходстве разных мифологических систем (такое сходство обуславливается общностью пути, который прошли разные нации и народности в формировании человеческой цивилизации) могут отличаться по целому ряду принципов. «В архаичной модели мира пространство оживотворено, одухотворено, качественно разнородно. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. ... Любое полноценное описание пространства первобытным или архаичным сознанием предполагает определение «здесь-теперь», а не просто «здесь»; пространство и время образуют в этом случае неразрывное единство – хронотоп. «Языковая» мифология подтверждает это заключение нередкими примерами обозначения пространства, его «наполнения» (боги, люди, **животные**, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты их сферы культуры, совокупность всего, что так или иначе «организует» пространство, собирает его)» (выделено нами. – И.З.) [1].

Сопоставление (с неременным учётом **ди-ахронической** составляющей) широкого круга мифов позволило установить, что в мифология различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов **повторяется**: «...сравнительное изучение мифов разных народов показало, что, во-первых, весьма сходные мифы часто существуют у разных народов, в самых различных частях мира, и, во-вторых, что уже самый круг тем, сюжетов, охватываемых мифами, – вопросы происхождения мира, человека, культурных благ, социального

устройства, тайны рождения и смерти и др. – затрагивает широчайший, буквально «глобальный», круг коренных вопросов мироздания» [2].

В то же время мифическое пространство каждой из существующих мифологий по ряду параметров всегда демонстрирует специфику, а иногда и уникальность, предопределённые в первую очередь национально-культурными особенностями контекста, в рамках которого возникла и формировалась, а с течением времени нередко и переосмысливалась, мифология того или иного народа.

Мифическое пространство понимается нами как одно из проявлений национального культурного пространства в целом – специфической «формы существования культуры в сознании человека, ... культуры, отображённой сознанием, ... бытия сознания её носителей. ... По своей природе национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное («этническое») поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного сообщества» [3].

К основным феноменам, репрезентирующим мифическое пространство каждой из национальных культур, в первую очередь принадлежат многообразные мифические **персонажи** и **артефакты** – «предметы из вторичного, как правило сказочного мира, которые являются национально маркированными и значимыми для данной культуры (например *живая и мёртвая вода* или *молодильные яблоки*)» [4]. Представляется, что в системе персонажей восточнославянской мифологии особое положение занимает одна из групп **персонажей-животных**, или группа **зооморфных образов**, – **образы волшебных птиц**, с которыми связано немало знаковых жизненных ситуаций, обрядов, заклинаний и иных проявлений национально-специфичного мировосприятия, находящихся безусловное отражение и в языке, точнее – в лингвокультуре, любой нации.

В настоящей публикации мы остановимся на осмыслении русскими лириками XIX – XXI веков лингвокультурного и образно-эстетического потенциала, присущего имени одной из волшебных птиц – **Гамаюн**, которое, по нашему мнению, с полным правом может быть отнесено к **прецедентным** для восточнославянской лингвокультуры именам.

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужили словесно-художественные произведения русских поэтов XIX – XXI веков, в которых в различных функциях использовано имя собственное **Гамаюн**. Основным методом, с помощью которого проводилось исследование, является метод контекстуального анализа, используемый в сочетании с различными приёмами и методиками лингвокультурологического анализа.

Результаты и их обсуждение. В мифическом пространстве восточнославянской культуры (в данном случае речь идёт в первую очередь о культуре *русской и украинской*) птицы занимают весьма заметное и, по мнению многих исследователей, очень значимое место. Так, Верховное божество этой культуры Род – начало всех начал – в своём земном воплощении принимал образ серой уточки, которая была его символом и носителем его силы. Именно эта уточка снесла два яйца – Явь и Навь – воплощение добра и зла, жизни и смерти.

Дошедшие до нас из глубины времени образы птиц, наделённые народным сознанием мистическими качествами, настолько разнообразны (это, среди прочего, объясняется огромными территориями, заселяемыми славянскими народами в древности), что при рассмотрении их целесообразно разделить как минимум на три группы.

Первую из этих групп образуют особые мифические существа: *полу-птицы – полу-люди*, обладающие даром пророчества и способностями приносить людям беду или счастье, горе или удачу; это волшебные птицы **Гамаюн**, **Алконост**, **Сирин**, **Стратим** и **Феникс**.

Во многих ситуациях, отражающих те или иные сегменты мифического пространства восточных славян, эти образы функционируют не только автономно, но и взаимодействуя в различных сочетаниях, символизируя при этом определённые стороны (аспекты) зафиксированных в мифах явлений или процессов, – как, например, имена-антиподы **Сирин** и **Алконост**, традиционно трактуемые как *птица радости* (Сирин) и *птица печали* (Алконост). Принимая во внимание частотность подобных ситуаций, мы в данном случае всё же сосредоточимся на рассмотрении функционально-семантической нагруженности отдельного имени – **Гамаюн**, выявляя в процессе наблюдения специфику осмысления его лингвокультурного потенциала русскими поэтами-лириками.

Интересующее нас имя интерпретируется в специальных лексикографических источниках (словарях символов и под.) довольно неоднозначно, хотя в этих толкованиях, безусловно, обнаруживаются и сходные черты, – ср., в частности: «**Гамаюн** – сказочная райская птица, упоминаемая в апокрифах и духовных стихах как «птица вещая», как сирин и каган. Летает в поднебесье, живёт в море. Изображали птицу-гамаюн с женским лицом и грудью; иногда просто большой птицей, взлетающей из морских глубин. Если кричит птица-гамаюн – счастье пророчит» [5];

«**Гамаюн**, редкая мифическая птица с женской головой, обладающая завораживающим пением. Её пророчества доступны избранным людям, а само появление способно вызывать смертоносные стихии» [6].

Символическое содержание имени **Гамаюн** весьма любопытно осмысливается в народном творчестве (в текстах, которые по определению принадлежат к числу наиболее «культуронных»), где эта птица, крик которой традиционно воспринимается как символ грядущей доброй вести для того (тех), кто услышит её пение, нередко предстаёт и предсказателем каких-либо природных катаклизмов, – ср.:

«Есть ещё одна певчая птица – **Гамаюн**. Возможно, её имя произошло от слова «гамаюнить» (баюкать).

Считается, что **крик этой птицы несёт добрую весть**.

Про всё на свете знает эта птица, и многие обращались к ней за советом. Умеет она и предсказывать будущее, но только тем людям, которым понятны её тайные знаки: «Прилети, Гамаюн, птица вещая, через море раздольное, через горы высокие, через тёмный лес, через чисто поле. Ты воспой, Гамаюн, птица вещая, на белой заре, на крутой горе, на ракивовом кусточке, на малиновом пруточке»;

«Полёт **Гамаюна** часто сопровождается смертоносной бурей, надвигающейся с востока.

Разгулялася непогодушка,
Туча грозная поднималася.
Расшумелись, приклонились дубравушки,
Всколыхалась во поле да ковыль-трава.
То летела Гамаюн – птица вещая –
Со восточной со сторонушки,
Бурю крыльями поднимая.
Из-за гор летела высоких,
Из-за леса летела тёмного,
Из-под тучи той непогожей» (во всех случаях выделено нами. – *И.З.*) [7].

Безусловно, столь богатый, к тому же неоднозначно толкуемый семантико-культурный потенциал имени мифического существа, не мог не

привлечь внимания художников слова, в первую очередь – авторов поэтических произведений.

Одним из наиболее эстетически значимых поэтических опытов осмысления образа волшебной птицы **Гамаюн**, безусловно, является написанное в 1899 году знаменитое стихотворение **А. А. Блока** «Гамаюн, птица вещая», которое представляет собой словесно-художественный отклик на картину В. Васнецова, изображающую этот мифический персонаж:

Александр Блок
ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ
(Картина В. Васнецова)
На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поёт,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!.. [8]

Приведённое стихотворение очевидно ориентировано на традиции классической русской поэзии, что проявляется в активном привлечении автором **книжной – высокой и поэтической** – лексики (*пурпур, вещать, предвечный, лик, уста, иго; трус* – в устаревшем уже значении ‘землетрясение’ и т. д.), отражении в тексте орфоэпических норм поэтического языка, которые и литературным языком того времени уже воспринимались как несколько архаичные (рифма *облеченных – смятенных*), в свойственной произведению торжественно-трагической тональности. Всё это способствует актуализации в лирическом произведении А. Блока одного из компонентов лингвокультурного содержания прецедентного имениптицы **Гамаюн**, связанного с предреканием ею надвигающихся трагических событий (*казней ряд кровавых, и трус, и голод, и пожар*).

В стихотворении «Чтоб пахло розой от страниц...» (1932) **Н. А. Клюева**, известного яркого представителя новокрестьянского направления в русской поэзии первой половины XX века, птица **Гамаюн** предстаёт в несколько ином облике – ср. контекстуальное осмысление этого образа в приводимом фрагменте из данного произведения: Я люблю малиновый падун,

Листопад горящий и горячий,
Оттого стихи мои как тучи
С отдалённым громом тёплых струн.
Так во сне рыдает **Гамаюн** –
Что забытый туром бард могучий [9]. Инди-

видуально-авторское осмысление образа волшебной птицы, несмотря на явную опору на информацию, накопленную именем в народном языке (ср. присутствующие в тексте фольклорные элементы: диалектное *падун* (‘в некоторых частях Сибири и европейской части России: название порога, водопада’ [8]), *горючий* и др.), в данном случае видится очевидным: лирический герой сравнивает с издаваемыми **Гамаюном** звуками звучание стихов (*Оттого стихи мои как тучи / С отдалённым громом тёплых струн. / Так во сне рыдает Гамаюн*), создавая очень необычную, с повышенной экспрессивностью, развёрнутую метафору.

Во второй половине двадцатого столетия к образам волшебных птиц, среди прочих поэтов, обращается **В. С. Высоцкий** – в его стихотворении «Купола» функционирует *система* имён «вещих птиц», в число которых входит и **Гамаюн: Сири́н – Алконост – Гамаюн:**

Владимир Высоцкий
КУПОЛА
Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споётся мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют – да всё из сказок.

Птица **Сири́н** мне радостно скалится –
Веселит, зазывает из гнёзд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной **Алконост**.

Словно семь заветных струн
Зазвенели в свой черед –
Это птица **Гамаюн**
Надежду подаёт!

В синем небе, колокольнями проколотом, –
Медный колокол, медный колокол –
То ль возрадовался, то ли осерчал...
Купола в России кроют чистым золотом –
Чтобы чаще Господь замечал.

Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред великою да сказочной страной –
Перед солоно – да горько-кисло-сладкою,
Голубою, родниковою, ржаною.

Грязью чавкая жирной да ржавою,
Вязнут лошади по стремяна,
Но влекут меня сонной державою,
Что раскисла, опухла от сна.

Словно семь богатых лун
На пути моем встаёт –
То мне птица **Гамаюн**
Надежду подаёт!

Душу, сбитую да стёртую утратами,
 Душу, сбитую перекатами, –
 Если до крови лоскут истончал, –
 Залатаю золотыми я заплатами –
 Чтобы чаще Господь замечал! [10]

Философское стихотворение В. С. Высоцкого явно ориентировано на осмысление автором фольклорных образов (*птицы веющие поют – да всё из сказок*); собственно текст в целом опирается на символику, традиционно закрепившуюся за именами мистических птиц: **Сирин** – ‘птица радости’ (хотя в данном случае эта символика несколько разрушается сочетанием с разговорно-сниженным глаголом *скалится*: *птица Сирин мне радостно скалится*); **Алконост** – ‘птица печали’ (*А напротив – тоскует-печалится, / Травит душучудной Алконост*); **Гамаюн** же – в осмыслении В. Высоцкого предстаёт как ‘птица надежды’: *Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!; То мне птица Гамаюн / Надежду подаёт!* – то есть в лирической структуре актуализируется исключительно *позитивный* компонент присущей этому прецедентному имени символики, чему способствует и введение её в риторические фигуры (строфическую *анафору* и два *восклицания*).

Размещённые в сети Интернет лирические произведения свидетельствуют об определённом «всплеске» интереса к образу птицы **Гамаюн** (что, впрочем, можно наблюдать и по отношению к образам волшебных птиц из мифического пространства славянской мифологии в целом) – он нередко фигурирует в лирических произведениях современных поэтов. При этом обращение авторов – наших современников к анализируемому образу отличается определёнными особенностями.

Во-первых, будучи бесспорно весомым в образно-эстетическом отношении элементом, свойства которого дополнительно актуализируются при помещении в словесно-художественную, тем более – лирическую, структуру, имя **Гамаюн** активно вводится современными авторами в состав различных **тропов** и **фигур**, а также самым непосредственным образом участвует в **композиционном обрамлении** произведения, что подтверждают приводимые далее лирические тексты (все цитируемые далее произведения взяты из источника [11]):

Сергей Вшивцев

Спой мне песню, птица **Гамаюн**,
 Расскажи о ветрах время гоняющих,
 Буду, как знающий всё ведун,
 Среди стихов ходить сгорающих...

Говорят с тобою боги свободно,
 Рассказывая о судьбах и вселенной,
 Спой о счастье, чтобы дышал спокойно,
 Поведай о том в песне мне откровенно...

Спой песню мне об Отчизне родной,
 Где художник творит чудеса вдохновенный,
 Где пахарь хлеба растит в дождь и зной,
 А воин дерётся в бою дерзновенный...

Спой мне о любви, о той самой, другой,
 Которая вдруг обернётся бедой,
 Слезами и надрывным стихом,
 Режущим сердце моё ножом... (2015);

Николай Соколя

Гамаюн мне пела – птица у окна,
 Словно знала мои мысли все она,
 Не давала мне ночами засыпать
 И подолгу своим пеньем развлекать.

Месяц в небе ночью ярко засиял,
 Он пылинки с каждой звёздочки сдувал,
 Пел соловушка среди роши у воды,
 Песнь звучала небывалой красоты.

Как прекрасно льётся песня **Гамаюн!**
 Она нотками коснётся к тем, кто юн,
 Песня может многих чувством напоить
 И в любви счастливой может утопить.

Ночь менялась на искрившийся рассвет,
 И какой он принесёт для нас сюжет,
 Колоски все в поле тянутся к лучу,
 Всему свету о красе такой кричу.

Гамаюн с рассветом песни не поёт,
 В ночных сказках, как всегда, она живёт,
 А без пенья птицы буду тосковать
 И всю ночь певунью стану ожидать (2016);

Ярославна

Русые пряди волос. Васильки.
 Колосья пшеницы. Трепет ночи.
 Граммофончиком у дороги выюн.
 О судьбе поёт птица **Гамаюн**.

Глаза голубые – солнца лучи.
 Поёт **Гамаюн**, во зле уличив.
 Синица в руках? Журавль в облаках?
 Одолеть бы мне полуночный страх!

– Не бросай меня! – я судьбу прошу.
 Птицу вещую подсказать прошу,
 Как прожить вдали от родной земли,
 Во чужом краю, остальные дни.

Не ответит мне птица **Гамаюн**.
 Растревожит звон, как гитары, струн.
 Душу болью рвёт, сердцу – непокой.
 Как найти теперь тропочку домой?

Плачем и печалью горе не уймёшь.
А не глухо сердце – ты меня поймёшь.
Я заветные слова вслух произнесу,
Словно веткой вербной я себя стегну.

Пусть приходит радость, будто невзначай.
С добрым сердцем к ближним ты его встречай!
Пусть поёт с улыбкой птица **Гамаюн**,
Счастье легкокрылое посетит наш дом (2016).

Во всех приведённых произведениях прецедентное имя **Гамаюн** оказывается весьма значимым для формирования образности компонентом, будучи выражением различных ипостасей одного из лирических субъектов. Так, во всех трёх стихотворениях лирические герои вступают с птицей **Гамаюн** в явный (стихотворение С. **Вшивцева**) либо воображаемый диалог (стихотворения Н. **Соколая** и **Ярославны**), который не только задаёт развитие лирического сюжета, структурируя текст композиционно, но и значительно углубляет образно-семантический план поэтического произведения. Этому способствует включение имени в разнообразные **тропы** (как, например, метафора *свет – Гамаюн*) или же **стилистические фигуры** (в частности, художественное обращение *Спой мне песню, птица Гамаюн*); постоянное использование его для подчёркнуто антропоморфного осмысления воплощённого в художественном произведении содержания (*Спой мне песню, птица Гамаюн, / Расскажи о ветрах время гоняющих; Поёт Гамаюн, во зле уличив; Пусть поёт с улыбкой птица Гамаюн*).

Во-вторых, образ птицы **Гамаюн** у современных лириков функционирует преимущественно в *стилизованных под фольклорные произведения* контекстах, являясь в том числе и **одним из средств** создания этой **стилизации**, – ср. в приводимых далее стихотворениях:

Петр Гуреев

Как на веточке да на яблоньке,
Во Ирий саду птица **Гамаюн**,
Всё говОрила сказы-сказоньки,
Быль-былиночки о родном краю.

«Открывайте ж вы свои ставенки,
Люди добрые слушать речь мою.
Я о врЕменах стародавненьких,
Звонким голосом песню пропою

О родной Земле, о её Богах,
Красных девицах и богатырях.
Расскажу про то, как честной народ

По законам жил да в согласии,
Чтил Святую Русь и свой древний род,
Песни Воли пел сладкогласые» (2016);

Юлия Валентайн

Во Ирийском саду души предков живут,
Там волшебные птицы беседы ведут:
Меж собою толкуют значения рун
Алконост, Сирин, Феникс, да свет – **Гамаюн**.
Входа нет в Ирий-сад не покинувшим Явь,
Ну, а птиц иногда отпускает к нам Правь...
Твоя песнь, **Гамаюн**, сердцу радость несёт,
Кто услышит её – долгий век проживёт,
Все известно тебе: то, что было, что есть,
То, что будет ещё, – всех пророчеств не счастье!
Ты же вестница древних славянских богов, –
В этот мир голос твой прилетает из снов
О Руси добылинной, которой уж нет,
Но порой к нам её пробивается Свет –
Память Рода в легендах и сказках течёт.
Хочешь вспомнить? Проси!

Гамаюн пропоёт... (2015) (везде выделено мною. – И.З.).

В приведённых контекстах имя **Гамаюн** функционирует в словесном пространстве, наполненном элементами, которые однозначно «отсылают» адресата к «стародавненьким временам» – тому исторически далёкому периоду, в который, судя по всему, у рассматриваемого имени-образа и сформировалось в значительной степени то семантическое и лингвокультурное содержание, которое свойственно ему (как в имплицитной, так и в явной формах) в настоящее время. Мы наблюдаем однозначно стилизованные под народную речь лирические структуры, где прецедентное имя **Гамаюн** оказывается не только одним из элементов, но и одним из приёмов создания этой стилизации, в особенности при функционировании в **системах** аналогичных прецедентных имён, – как например, в стихотворении **Юлия Валентайн** «Во Ирийском саду души предков живут...», где, помимо имени **Гамаюн**, употребляются также имена **Алконост**, **Сирин**, **Феникс**.

В стихотворении же **Петра Гуреева** «Как на веточке да на яблоньке...», где, как представляется, стилизация выражена наиболее отчётливо – она ощущается практически на **всех уровнях** лирического текста, в том числе и на звуковом – ср. графически выделенное *говОри-ла* и *о врЕменах*.

Таким образом, **функцию участия** прецедентного для восточнославянской лингвокультуры имени **Гамаюн** в **создании стилизации** словесно-художественного произведения безусловно можно отнести к числу основных его функций в современной лирике.

Именно этой ключевой, имеющей **комплексный** характер функции, подчинена и вся иная нагруженность имени **Гамаюн** в лирических произведениях начала XXI столетия – например,

включённость его в разнообразные **тропы и фигуры**, а также создание с помощью означенной номинации своего рода композиционного каркаса лирической структуры, где имя волшебной птицы становится одним из средств его обрамления, задавая тем самым направление развития лирического сюжета.

Всё сказанное позволяет заключить, что в современный период имя **Гамаюн**, как и большинство имён других волшебных птиц восточнославянского мифического пространства, в целом сохраняет накопленный в процессе длительного времени семантико-культурный потенциал, который при использовании его современными поэтами актуализируется и с помощью ряда художественно-изобразительных приёмов.

Литература

1. Топоров, В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы и легенды народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1992. – Т. 1. К – Я. – С. 340.
2. Токарев, С. А. Мифология / С. А. Токарев, Е. М. Мелетинский // Мифы и легенды народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – Т. 1. А – К. – С. 12.
3. Красных, В. В. Теоретические положения. Принципы описания / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : «Гнозис», 2004. – С. 10 – 11.
4. Там же. – С. 21.
5. Персонажи славянской мифологии / сост.: А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – К. : Фирма «Корсар», 1993. – С. 45.
6. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Уральское изд-во, 2001. – С. 73.
7. Культурология [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://kulturologia.ru/blogs/111117/36622/>. – Дата доступа : 22.12.2017.
8. Блок, А. А. Стихотворения. Поэмы. Драммы. Проза / А. А. Блок // Сост., предисл. и коммент. А. М. Туркова; худож. В. В. Медведев. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2008. – С. 21 – 22.
9. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. – Дата доступа : 22.12.2017.
10. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. – Дата доступа : 22.12.2017.
11. Стихи про птицу Гамаюн [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://stihi-pro.pp.ua/sid_0_cid_1_tid_0/stihi_pro_ptitsu_gamayun.html. – Дата доступа : 22.12.2017.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.